

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	14
1. Племена и суперплемена	18
2. Статус и суперстатус	61
3. Секс и суперсекс	115
4. Свои и чужие	179
5. Импринтинг и лжеимпринтинг	221
6. Борьба за стимул	259
7. Взрослый ребенок	320

*Изучение городского животного,
выполненное классическим зоологом.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более четверти века прошло с тех пор, как впервые была опубликована книга «Людской зверинец» (The Human Zoo). За это время население Земли удвоилось — с трех миллиардов до шести, и эти чудовищные темпы роста продолжают неуклонно увеличиваться. В результате все более многочисленные толпы людей переполняют города — эти огромные «людские зверинцы». Как ни печально, но проблема, которую я затронул, в настоящее время стала еще более острой, поэтому я счастлив, что теперь книга переживает свое второе рождение¹.

За время, прошедшее между первым и вторым изданиями, я не преминул воспользоваться шансом поближе рассмотреть некоторые наиболее по-

¹ Впервые книга была опубликована в 1969 г., второе издание увидело свет в 1996 г. — *Ред.*

казательные особенности «людского зверинца». Когда телекомпания Би-би-си решила взять мою книгу за основу одной из своих новых программ, на съемках я познакомился с последними достижениями урбанизации. В трущобах Бомбея, самых страшных трущобах мира, я увидел, насколько могут быть спрессованы человеческие жилища — даже самые допотопные клетки для животных по сравнению с ними кажутся роскошными апартаментами. В Токио миниатюризация жилья дошла до такой степени, что номера в некоторых гостиницах представляют собой этакие забавные капсулы, куда проживающие втискиваются, как в коконы, и чувствуют себя все равно что в гробу, оснащенный кондиционером и кабельным телевидением.

В Лос-Анджелесе я исследовал самые недра гангстерских районов и убедился, что междоусобные распри вовсе не канули в Лету. Самый большой город на Земле (сейчас его площадь равна половине Бельгии) поделен разными группировками на сектора с четкими и неприкосновенными границами. Червь первобытного племенного строя во всей красе процветает в самом центре этого огромного гниющего яблока под названием «мегаполис». Древние пещерные картины и доисторические наскальные росписи сменились современными граффити, первобытные копья — автоматическими пистолетами; ритуальным шрамам на коже теперь предпочитают модные татуировки, а разноцветным перьям на голове — стильные футболки. Все племенные признаки и родовые связи, вроде бы начавшие воз-

рождаться во всепоглощающей паутине города, теперь снова искоренены и превратились в малопонятные законы территориальных группировок. Кое-кто считает, что это признак разрушения, но для живущих в городах сопротивление превращению в безликих насекомых громадного, битком набитого человеческого муравейника стало вопросом жизни и смерти.

Мы, как представители класса млекопитающих, всегда будем бороться за право любой ценой сохранить свою самобытность в животном мире. Есть города, жизнь в которых даже воодушевляет на эту борьбу, способствуя образованию разнообразных местных группировок на любой вкус. Тот, кто еще не решил вопрос о своей принадлежности к одной из них, скоро поймет, что тонкая пленка цивилизации вот-вот будет содрана и разорвана в клочья. Горькая правда такова, что если не найдется *конструктивного* решения этого вопроса, то обязательно найдется *деструктивное*. Градостроители не понимают, что стены и заборы разукрашивают из аэрозольных баллончиков не просто так: гектары серых бетонных плит — это то, что отличает мегаполис от деревни.

Дилеммы «людского зверинца» вовсе не из тех, что решаются сами собой. На последние цифры, характеризующие «период удвоения» (промежуток времени, за который население Земли увеличивается вдвое), просто страшно смотреть. «Период удвоения» для Западной Европы вроде бы приемлемый — 700 лет (и даже 100 лет для Соединенных Штатов — тоже неплохо), так что, каза-

лось бы, проблема перенаселенности отступает на второй план. Но дело в том, что положение вещей в остальной части планеты совершенно иное: например, в Африке «период удвоения» равняется всего лишь 24 годам. Что будет на африканском континенте через сто лет, догадаться нетрудно, и, если не принять особых мер предосторожности, нам придется давать новое определение понятию «мировой хаос».

В конце 1960-х годов, работая над этой книгой, я как раз отмечал десятилетие своей деятельности в качестве куратора зоопарка. Изучение повадок зверей, заключенных в маленькие клетки, натолкнуло меня на мысль провести параллель между зверинцем и городом. Я увидел в этих пленниках вольеров тех замкнутых и скованных городских жителей, которых каждый день встречаю на улицах.

Любопытно, что с тех пор стало набирать силу некоторое недовольство сложившейся ситуацией, зародилось и росло год от года движение за освобождение зверей. Все больше людей считали ошибкой заключение животных за решетки, и количество посетителей зоопарков снизилось до рекордной отметки. В какой-то степени это связано с тем, что общество начало понимать необходимость заботы о «братьях наших меньших», но мне все-таки кажется, что это — символ неумолимого прогресса, молчаливое осознание необходимости заботы о других пленниках вольеров — обитателях «людского зверинца». Не оттого ли мы так страстно желаем выпустить львов и слонов на свободу, что сами в душе стремимся вырваться из тех

Предисловие

клеток, которые построили для себя в наших стремительно растущих городах?

На самом-то деле никакой потребности откуда-то вырваться нет, и в этом вы убедитесь, прочитав мою книгу. Есть только необходимость превратить городские условия в более подходящие для жизни многострадальных горожан. Если это получится, то нам посчастливится, сохранив все прелести городского существования, одновременно наслаждаться жизнью первобытного человека (разумеется, настолько, насколько нам это позволит мозг высшего существа).

*Оксфорд,
сентябрь 1995 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Когда плотность населения в современном мире стала невыносимой, обеспокоенные городские жители начали частенько сравнивать свои переполненные города с каменными джунглями. Такое описание особенностей жизни в тесной городской среде довольно красочно, но в то же время глубоко ошибочно, что подтвердит любой, кому довелось изучать настоящие джунгли.

В нормальных условиях, в естественной среде обитания, дикие животные никогда не станут калечить друг друга, мастурбировать, воевать с детьми, зарабатывать себе язву желудка, страдать от навязчивых идей или ожирения, образовывать гомосексуальные пары или убивать друг друга. Не стоит лишний раз напоминать, что среди жителей города все это не редкость. Но в этом ли разница между человеком и другими животными? На первый взгляд — вроде бы да, но это заблуждение. Другие

животные действительно могут вести себя подобным образом, но только в определенных ситуациях, а точнее — когда их помещают в неестественные условия неволи. Дикое животное, находясь в клетке, демонстрирует все эти известные нам аномалии точно так же, как и наши сородичи. Совершенно очевидно, что город — вовсе не каменные джунгли, а настоящий людской зверинец.

Сравнивать нужно не городского жителя и дикого зверя, а горожанина и зверя в клетке. Современный человек давно уже не живет в условиях, естественных для своего вида. Попавший в сети собственного ума, а вовсе не плененный каким-то владельцем зоопарка, он заперся в огромном беспокойном зверинце, где постоянно рискует надорваться от перенапряжения.

Несмотря на невыносимые условия, преимущества такой жизни очевидны. Мир зверинца, подобно гигантскому папаше, защищает своих обитателей: еда, вода, крыша над головой, средства гигиены и медицинская помощь обеспечены; основные проблемы выживания сведены до минимума, и появляется свободное время. Как это время проводят обитатели зоопарка, зависит, конечно, от вида животного. Одни звери тихонько отдыхают, подремывая на солнышке; другие же находят длительное безделье абсолютно неприемлемым. Если вы являетесь обитателем людского зверинца, то неизбежно оказываетесь среди представителей второй группы. Обладая чрезвычайно пытливым и изобретательным умом, вы просто не способны отдыхать долгое время. Вас распи-

рает от стремления снова и снова находить себе какое-нибудь непростое занятие. Вы вечно что-то исследуете, организовываете, творите и в конце концов обнаруживаете, что из трясины зверинца уже не выбраться. С каждым новым сложным действием вы оказываетесь на один шаг дальше от своего естественного племенного состояния, которым ваши предки наслаждались в течение миллионов лет.

История современного человека есть история его борьбы с последствиями такого тернистого продвижения. И без того запутанная ситуация осложняется еще больше в какой-то степени из-за того, что мы играем в ней двойную роль, являясь одновременно и зрителями, и актерами. Возможно, она немного прояснится, если мы посмотрим на нее глазами зоолога, что, собственно, я и собираюсь сделать на страницах этой книги. В большинстве случаев я намеренно привожу примеры, знакомые только западному читателю, но это вовсе не означает, что мои заключения касаются лишь культуры западных стран. Напротив, каждый из примеров демонстрирует, что все изложенные ниже принципы в равной мере применимы к проблемам горожан всего мира.

Если вам кажется, что я говорю: «Вернитесь! Впереди вас ждет катастрофа!», поверьте — я не имею в виду ничего подобного. В своем непреодолимом стремлении к социальному прогрессу мы необъяснимым образом дали волю необузданным исследовательским порывам, составляющим основную часть нашего биологического наследия.

В них нет ничего искусственного, ничего неестественного, эти порывы — источник нашей огромной силы, но и причина нашей слабости тоже. Я пытаюсь показать, какую цену нам приходится платить за потакание им и какую изобретательность мы вынуждены проявлять, чтобы ухитриться расплатиться по счету, каким бы заоблачным он ни был. Ставки растут непрерывно, игра становится все более рискованной, потери — все более ощутимыми, дыхание с каждым шагом все тяжелее, но, как бы то ни было, мир еще не видел более интересной и захватывающей игры, несмотря на всю ее рискованность. Глупо было бы пытаться ее остановить, дав финальный свисток; тем не менее играть в нее можно по-разному, и если бы мы научились лучше понимать истинные чувства игроков, то, возможно, смогли бы извлечь из этой игры большую пользу, причем не подвергая себя еще большей опасности и избегнув катастрофических последствий для всего живого.

1

ПЛЕМЕНА И СУПЕРПЛЕМЕНА

Представьте себе островок суши — двадцать миль в длину и двадцать в ширину: дикое место, населенное разным зверьем, большим и маленьким. А теперь вообразите компактную группу из шестидесяти человеческих существ, разбивших лагерь в самом центре этой территории. Попробуйте представить себя в качестве члена этого крошечного племени — вы сидите и любуетесь бесконечными просторами, раскинувшимися на много миль вокруг. На всей этой территории нет никого, кроме вас и ваших соплеменников. Это ваша земля, ваши угодья. Мужчины вашего племени охотятся здесь, женщины собирают фрукты и ягоды, детишки с воплями носятся по лагерю, играя в охоту. Если жизнь племени складывается удачно и число его членов увеличивается, то скоро какая-нибудь отдельная группа двинется в путь для освоения новых территорий. Мало-помалу племя

будет расти и люди будут заселять все новые и новые земли.

Представьте себе островок суши — двадцать миль в длину и столько же в ширину. Расцвет цивилизации, дома и машины. А теперь вообразите компактную группу из шести миллионов человеческих существ, обитающих в самом центре этой территории, и представьте себя частицей этого огромного бурлящего города.

А теперь сравните эти две картины. На каждого индивидуума из первого сюжета приходится по сто тысяч человеческих существ из второго, а ведь территория осталась прежней. С точки зрения эволюции такие катастрофические изменения произошли практически мгновенно, потребовалось всего несколько тысяч лет, чтобы картина номер один превратилась в картину номер два. Человеческое существо вроде бы превосходно приспособилось к абсолютно новым для него условиям жизни, но ему не хватило времени для того, чтобы изменить свою биологическую структуру и развиваться в новый, генетически цивилизованный вид млекопитающего. Этот процесс становления цивилизованного индивидуума уже полностью завершен, человек прошел необходимое обучение и практику, так что с точки зрения биологического строения он остается все тем же членом племени из первого сюжета. Так он жил не несколько веков, а на протяжении целого миллиона нелегких лет, хотя в течение этого времени биологически он все-таки изменился. Он прошел впечатляющее эволюционное развитие: постоянная борьба за

выживание сделала свое дело и сформировала его как вид.

За последние несколько тысяч лет развития процесса урбанизации и роста уровня цивилизованности человека произошло так много всего, что даже не задумываешься о том, что это — всего лишь ничтожная часть истории жизни людей. Мы привыкли к смутному ощущению постепенного роста и в результате — к своей полной биологической готовности к борьбе с новыми социально опасными факторами, но, если мы заставим себя совершенно объективно оценить ситуацию, нам придется признать, что на самом деле это вовсе не так. Такие ощущения зародились в наших сердцах только благодаря нашей потрясающей изворотливости и удивительной способности приспособливаться. Простой первобытный охотник надевает новую охотничью амуницию и изо всех сил старается носить ее с легкостью и гордостью, но она настолько тяжела и громоздка, что он постоянно путается в своих одеждах. Однако прежде чем исследовать, почему ему так неудобно и отчего он все время теряет равновесие, мы должны выяснить, как при этом ему удается оставаться образцом цивилизованности.

Для начала придется понизить температуру окружающей среды, чтобы оказаться снова во власти ледникового периода, скажем двадцать тысяч лет назад. Наши древние предки уже с успехом заселили большую часть Старого Света и скоро отправятся в поход из Восточной Азии в Новый Свет. Следует иметь в виду, что их простая жизнь охот-

ников лучше всего подходила для осуществления такой экспансии. И неудивительно, что никто не считает мозг наших предков времен ледникового периода таким же крупным и высокоразвитым, как мозг человека XX столетия, хотя строением скелета мы, в сущности, не отличаемся. Современный человек уже появился на сцене истории. Собственно говоря, если бы была возможность с помощью машины времени переместить младенца из ледникового периода в свой дом и воспитывать его как своего, вряд ли кто-нибудь заметил бы разницу.

Климат в Европе был жесток, но наши предки вполне справлялись с этим. С помощью простейших приспособлений они могли охотиться на огромных диких животных. К счастью, они оставили нам многочисленные свидетельства своего охотничьего мастерства не только в виде отдельных предметов, найденных в пещерах, но и в виде примитивной наскальной живописи. Силуэты косматых мамонтов, мохнатых носорогов, бизонов и оленей, изображенные на стенах, не оставляют сомнений во враждебности природы тех времен. Выбравшись сегодня из темных пещер мегаполиса и ступив на раскаленную солнцем землю загородного участка, трудно себе представить ее заселенной этими волосатыми чудовищами. Конечно же сразу задумываешься о разнице температур тогда и сейчас.

В конце ледникового периода льды начали отступать на север, и звери, предпочитающие холодный климат, двинулись вместе с ними. Пышные

лесные массивы пришли на смену ландшафту холмистой тундры. Долгая ледниковая эпоха закончилась около десяти тысяч лет назад и положила начало новому этапу эволюции человечества.

Перевороту суждено было случиться там, где встречаются Африка, Азия и Европа. Здесь, на востоке Средиземноморья, произошли некоторые изменения в методах добычи людьми пропитания, — изменения, которые коренным образом повлияли на весь дальнейший процесс эволюции человечества. Как таковые они были совершенно тривиальными и незначительными, но эффект от них был колоссальным. Сегодня мы принимаем эти методы как нечто само собой разумеющееся и называем их сельским хозяйством.

Раньше во всех человеческих племенах люди наполняли свои желудки одним или двумя способами: мужчины охотились в поисках мяса, а женщины собирали съедобную растительность. Рацион был сбалансирован благодаря комбинированию добытых трофеев. Фактически любой взрослый член племени являлся добытчиком пищи, но запасов было сравнительно немного. Просто люди выходили из своих пещер, когда им это было нужно, и искали то, что им было нужно. Это вовсе не было так опасно, как кажется, потому что людей в мире тогда было ничтожно мало (разумеется, по сравнению с сегодняшней массой народа). Но, несмотря на то что древние охотники весьма преуспели в своем деле и понемногу заселяли все большие территории, сами-то племена оставались маленькими и непривлекательными. На протяжении сотен тысяч

лет своей эволюции люди великолепно приспособились как физически, так и умственно к своему образу жизни. Но тот шаг, который наши предки сделали по направлению к сельскохозяйственной деятельности (к эпохе производства пищи, а не ее добычи), привел к неожиданным результатам и так быстро поставил их перед необходимостью вести новый, неизведанный образ жизни, что им просто не удалось поспеть за стремительным процессом эволюции и приобрести новые, генетически контролируемые качества. С тех пор их приспособляемость и изворотливость, их способность к обучению и привыканию к неизвестным (и более сложным) условиям жизни так часто подвергались испытаниям, что урбанизация и безумие городской жизни — это всего лишь некоторые из многочисленных последствий.

К счастью, длительное изучение охотничьих наук способствовало развитию таких качеств, как изобретательность и готовность помочь товарищу. Что верно, то верно: люди-охотники, обладая, как и их предки-обезьяны, врожденными самоуверенностью и духом соперничества, были все же вынуждены утихомирить свою воинственность и выдвинуть на первое место потребность в сотрудничестве друг с другом. В этом была их единственная надежда выиграть битву с давно уже приспособившимися ко всему, вооруженными острыми когтями профессиональными убийцами (например, с огромными кошками), коими изобилует плотоядный мир. Эволюция человеческого сотрудничества происходила одновременно с раз-

витием интеллекта и исследовательских способностей, и эта комбинация качеств оказалась просто убийственной по своей эффективности. Люди быстро усваивали новое, хорошо запоминали пройденное и превосходно научились применять уже накопленный опыт для решения новых проблем. Если уж эти знания приносили пользу тогда, в те далекие времена бесконечных походов в поисках добычи, то говорить о том, насколько полезными они были в период, когда человек оказался на пороге новой и намного более сложной социальной жизни, и вовсе не приходится.

На востоке Средиземноморья издавна существовали две жизненно важные растительные культуры: дикая пшеница и дикий ячмень. На этой территории также встречались дикие козы, дикие овцы, дикие коровы и дикие свиньи. Люди-охотники, поселившиеся здесь, уже успели приручить собак, но использовали их не как источник пищи, а как сторожей или помощников на охоте. Настоящее сельское хозяйство началось с культивирования двух растений: пшеницы и ячменя. Скоро последовало приручение сперва коз и овец, а затем (несколько позже) и коров со свиньями. По всей вероятности, животных привлекали поля зерновых культур, куда они приходили полакомиться. Их отлавливали, затем выращивали и в конце концов употребляли в пищу.

Нет ничего случайного в том, что в двух других уголках Земли (в Южной Азии и Центральной Америке), где немного позднее зародились древние независимые цивилизации, также нашлись